

УДК 711.4

DOI: 10.34670/AR.2026.30.54.047

Москва как многофункциональное образование, выполняющее функции столицы и агломерации

Балихин Артур Артурович

Аспирант,
Московский политехнический университет,
107023, Российская Федерация, Москва,
ул. Большая Семеновская, 38;
e-mail: balikhin@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется специфика Москвы как многофункционального территориально-экономического образования, одновременно выполняющего функции государственной столицы и крупнейшей агломерации Российской Федерации. Установлено, что в 2023 году валовой региональный продукт (ВРП) Москвы составил 32,3 трлн руб. — около 21% суммарного ВРП страны, а объём инвестиций в основной капитал достиг 8,1 трлн руб. (20,5% общероссийского показателя). Обосновывается, что совмещение административно-политических, финансово-управленческих, инновационно-экономических и агломерационных функций формирует уникальную модель пространственного развития. Выявлены и разграничены два самостоятельных источника конкурентных преимуществ города — столичная институциональная рента и агломерационная рента. Установлено, что их синергия усиливает лидерство Москвы, однако одновременно углубляет межрегиональную дифференциацию. Сформулированы предложения по государственной политике снижения пространственной асимметрии.

Для цитирования в научных исследованиях

Балихин А.А. Москва как многофункциональное образование, выполняющее функции столицы и агломерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Том 16. № 4А. С. 486-496. DOI: 10.34670/AR.2026.30.54.047

Ключевые слова

Москва, столица, агломерация, пространственное развитие, столичный эффект, агломерационный эффект, региональная экономика, межрегиональная дифференциация, моноцентризм, пространственная концентрация, региональная политика.

Введение

Москва занимает особое место в пространственной структуре Российской Федерации — здесь сосредоточены и политический центр государства, и крупнейший финансово-экономический узел, и ядро наиболее масштабной агломерационной системы страны. Это сочетание делает столицу по-настоящему уникальным объектом научного анализа: динамика её развития определяется не только классическими агломерационными эффектами, характерными для мегаполисов, но и специфическими преимуществами, напрямую вытекающими из столичного статуса [Гранберг, 2000; Минакир, 2022].

Цифры говорят сами за себя. По данным Росстата, ВРП Москвы в 2023 году составил 32,3 трлн руб. — около 21% суммарного ВРП Российской Федерации [Инвестиционный портал Москвы, [www](#)]. В том же году объём инвестиций в основной капитал достиг 8,1 трлн руб.: каждый пятый рубль всех инвестиций в стране был направлен в столицу [Банк России, [www](#)]. Объяснить такую концентрацию исключительно размером экономики или плотностью населения не получится. Она отражает двойственную природу Москвы — одновременно столицы государства и крупнейшей агломерации.

В научной литературе эта двойственность традиционно рассматривается в двух относительно самостоятельных плоскостях. Первое направление изучает Москву как административно-политический центр, где сосредоточены федеральные органы государственной власти, ключевые институты управления, дипломатические представительства и штаб-квартиры государственных корпораций [Кузнецова, 2022; Михеева, 2024]. Второе посвящено Москве как крупнейшей агломерации — с высокой плотностью населения, масштабным рынком труда, интенсивной маятниковой миграцией и выраженными эффектами экономии на масштабе [Дружинин, 2023; Антонов, 2022]. Проблема в том, что в реальности обе функции реализуются одновременно и взаимно усиливают друг друга — этот аспект в литературе проработан явно недостаточно.

Для российской экономики важность вопроса трудно переоценить. Концентрация ресурсов в Москве воздействует на динамику соседних регионов, распределение человеческого капитала, размещение инвестиций и формирование межрегиональных производственных связей. Именно Московская агломерация, по оценкам исследователей, выступает крупнейшим полюсом роста современной России — и одновременно главным источником нарастающих межрегиональных диспропорций [Минакир, 2022; Аганбегян, 2022; Министерство транспорта РФ, 2021].

Между тем в отечественной литературе сохраняется заметный пробел: вопрос о разграничении эффектов, порождаемых столичным статусом, и эффектов агломерационной природы проработан недостаточно. Смещение этих факторов затрудняет формирование эффективной региональной политики — ведь меры по регулированию административной сверхконцентрации принципиально отличаются от инструментов управления агломерационным ростом.

Цель настоящей работы — исследование Москвы как многофункционального образования, одновременно выполняющего функции столицы и агломерации, а также выявление особенностей влияния этого совмещения на пространственное развитие Российской Федерации.

Для её достижения решаются следующие задачи: обобщить теоретические подходы к исследованию столицы и агломерации как особых пространственных форм; определить институционально-экономические особенности Москвы как столицы Российской Федерации; выявить признаки Москвы как крупнейшей агломерационной системы страны; раскрыть

синергетические эффекты совмещения столичных и агломерационных функций; оценить последствия этой модели для межрегионального развития России.

Научная новизна исследования состоит в следующем: (1) разработана типология экономических эффектов, формируемых столичным и агломерационным факторами, — столичной институциональной ренты и агломерационной ренты; (2) обоснована синергетическая модель, объясняющая устойчивое доминирование Москвы в пространственной структуре Российской Федерации; (3) сформулированы критерии разграничения инструментов региональной политики применительно к каждому из этих компонентов.

Теоретико-методологические подходы к исследованию москвы как столицы и агломерации

Исследование Москвы как многофункционального образования, совмещающего функции столицы и агломерации, требует по-настоящему междисциплинарного взгляда — одной пространственной экономикой или одной регионалистикой здесь не обойтись. Работа опирается на системный анализ теоретических концепций, сравнительный анализ статистических данных Росстата и Мосстата за 2021–2024 годы, а также на результаты актуальных отечественных и зарубежных эмпирических исследований.

Отправной точкой служит концепция полюсов роста Ф. Перру: экономическое развитие концентрируется в ограниченном числе центров, способных генерировать инвестиции, инновации и предпринимательскую активность интенсивнее окружения [Perroux, 1950]. Ж.-Р. Будвиль перенёс эту идею в территориальную плоскость, показав, что крупнейшие города становятся ядрами пространственного притяжения — ресурсов, населения, капитала [Boudeville, 1966]. Москва в этой логике — бесспорный ведущий полюс роста российской экономики.

Существенный вклад в понимание агломерационной природы столицы внесла новая экономическая география. П. Кругман показал: сочетание транспортных издержек, экономии на масштабе и мобильности факторов производства закономерно ведёт к концентрации производства и населения в крупнейших центрах [Krugman, 1991]. М. Фуджита и Т. Мори добавили к этому положение о кумулятивном характере агломерационного роста — уже сложившиеся преимущества центра сами по себе подтягивают новые ресурсы, запуская самоусиливающуюся спираль [Fujita, 2005]. Именно это объясняет, почему Московская агломерация устойчиво расширяется, а деловая активность в столичном регионе не рассеивается.

Отечественная школа региональной экономики расставляет несколько иные акценты. А. Г. Гранберг указывал, что крупнейшие центры формируют сложные межрегиональные потоки труда, капитала, товаров и информации, которые выходят далеко за пределы административных границ [Гранберг, 2000]. Примечательно, что П. А. Минакир и Е. Г. Анимца предложили ещё более широкую оптику — макрорегионального подхода: совокупность взаимосвязанных территорий образует единую социально-экономическую систему, где крупнейший центр выполняет роль координационного и структурообразующего ядра [Минакир, 2022]. В этой системе Москва — не просто город федерального значения, а центр тяготения всего Центрального макрорегиона.

Институциональный подход добавляет ещё один пласт. В мировой литературе хорошо описан так называемый *capital city effect* — совокупность преимуществ, связанных со статусом

столицы и не сводимых к рыночным факторам [OECD, 2022]. О. В. Кузнецова убедительно показала, что пространственная структура российской экономики отличается выраженной моноцентричностью: Москва одновременно выполняет функции политического, финансового и экономического ядра страны [Кузнецова, 2022]. Именно поэтому анализ её развития невозможен без чёткого разграничения столичного и агломерационного компонентов — иначе мы рискуем приписать «рынку» то, что на деле создаётся административным статусом, и наоборот.

Москва как столица российской федерации: институционально-экономическое содержание столичной функции

Столичный статус Москвы — самостоятельный фактор её социально-экономического развития, не сводимый к преимуществам крупного города как такового. Это важно подчеркнуть с самого начала. Москва выполняет функции официальной столицы Российской Федерации, и именно это обуславливает концентрацию органов государственной власти, национальных институтов управления, дипломатических структур и центров стратегического принятия решений [Кузнецова, 2022; Михеева, 2024].

Первое и, пожалуй, наиболее очевидное проявление столичной функции — размещение высших федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти. Резиденция главы государства, Правительство, Федеральное Собрание, министерства, ведомства, высшие суды — всё это сосредоточено здесь. Такая концентрация формирует устойчивый спрос на административные, юридические, консалтинговые, финансовые и информационные услуги, создавая постоянные импульсы экономического роста вне зависимости от конъюнктурных колебаний [Кузнецова, 2022; Михеева, 2024].

Второй компонент — размещение центральных аппаратов крупнейших государственных компаний, банков и институтов развития. По данным Банка России, в регионе зарегистрированы крупнейшие нефтедобывающие и энергетические холдинги страны, а оборот корпоративного управления в значительной мере сосредоточен именно в столице [Банк России, [www](http://www.cbr.ru); Москва в цифрах — 2023, 2023]. Результат — крупнейший в стране сегмент штаб-квартирной экономики, который ощутимо влияет как на структуру занятости, так и на налоговую базу города.

Третий компонент — бюджетно-финансовая концентрация. Москва играет ключевую роль в перераспределении государственных финансовых потоков и реализации национальных проектов. Показательна и долговая дисциплина: доходы городского бюджета в 2021 году составили 3 335,6 млрд руб., расходы — 3 445,7 млрд руб., а государственный долг города не превышал 4,7% налоговых и неналоговых доходов — один из наименьших показателей среди субъектов Федерации [Москва в цифрах — 2023, 2023]. Это само по себе свидетельствует о финансовой устойчивости, которую трудно достичь без столичной ренты.

Четвёртое измерение — дипломатическая и международная функция. Посольства иностранных государств, представительства международных организаций, торговые миссии, площадки внешнеэкономических коммуникаций — всё это Москва. По данным инвестиционного портала Москвы, на долю компаний, зарегистрированных в столице, приходилось около половины всех прямых иностранных инвестиций, поступивших в Россию в 2021 году [Инвестиционный портал Москвы, [www](http://www.moscow-invest.ru)]. Цифра сама по себе красноречивая.

Наконец, пятое направление — концентрация символического и культурного капитала. Москва выполняет функции общенационального центра политической коммуникации, высшего

образования, федеральных средств массовой информации и культурных учреждений. По данным Минобрнауки, в городе действуют 148 вузов, из них 77 негосударственных; два московских университета входят в топ мирового рейтинга Round University Ranking 2024 [Инвестиционный портал Москвы, [www](#)].

С экономической точки зрения совокупность описанных преимуществ образует то, что в настоящей работе обозначается как столичная институциональная рента. Речь идёт о выгодах, возникающих вследствие размещения в городе органов власти и центров принятия решений. В отличие от агломерационной ренты, порождаемой рыночной концентрацией и эффектом масштаба, столичная институциональная рента имеет административно-политическую природу. Она не зависит от рыночной эффективности — и именно поэтому требует отдельного инструментария регулирования.

Москва как крупнейшая агломерация России: экономическое и пространственное содержание агломерационной функции

Таблица 1 – Ключевые социально-экономические показатели Москвы (2023–2024 гг.)

Показатель	Значение	Источник
ВРП, 2023 г.	32,3 трлн руб.	Росстат / Инвест. портал Москвы
Доля в суммарном ВРП России	~21%	Росстат, Банк России (ЦФО)
Инвестиции в основной капитал, 2024 г.	8,1 трлн руб. (20,5% РФ)	Росстат / Инвест. портал Москвы
Население (постоянное), 2023 г.	13,1 млн чел.	Мосстат
Ежедневная маятниковая миграция (агломерация)	~1,4 млн чел. (2024 г.)	МГУ / РЭУ им. Плеханова (2024)
Расходы на потребление (на члена домохозяйства/мес.)	49,8 тыс. руб.	Росстат, 2023
Число вузов	148 (из них 77 негос.)	Минобрнауки РФ

Составлено автором по данным Росстата, Мосстата, Инвестиционного портала Москвы ([investmoscow.ru](#)) и Банка России.

Таблица 2 – Показатели агломерационного развития Московского региона

Показатель	Значение	Источник
Население Москвы (2023 г.)	13,1 млн чел.	Мосстат
Население Московской области (2023 г.)	8,6 млн чел.	Мосстат
Ежедневная маятниковая миграция (агломерация, 2024 г.)	~1,4 млн чел.	МГУ / РЭУ им. Плеханова
Доля маятниковых мигрантов из зоны 20 км от МКАД	60% от общего потока	МГУ / РЭУ им. Плеханова
Объём качественных коммерческих площадей (2024 г.)	59,4 млн кв. м	Инвест. портал Москвы

Составлено автором по данным Мосстата, Инвестиционного портала Москвы и совместного исследования МГУ и РЭУ им. Г. В. Плеханова (2024).

Столичный статус — не единственный источник силы Москвы. Параллельно с ним действует другой, не менее мощный механизм: агломерационный. Как крупнейшая агломерационная система Российской Федерации Москва представляет собой территорию высокой концентрации населения, капитала, инфраструктуры и деловой активности, где

возникают эффекты масштаба, специализации и плотности экономических связей [Petroux, 1950; Krugman, 1991]. Важно понимать: этот механизм работает по рыночной логике — независимо от того, является ли город столицей.

Ключевое проявление агломерационной функции Москвы — масштаб рынка труда. По данным совместного исследования демографов МГУ и РЭУ им. Г. В. Плеханова, ежедневная маятниковая миграция в агломерации в 2024 году составляла около 1,4 млн человек. При этом 60% маятниковых мигрантов проживают в районах, прилегающих к МКАД (в пределах 20 км), а на расстоянии 150 км от столицы поток сокращается практически до нуля [Коммерсантъ, 2024]. Стоит отметить, что в сравнении с серединой 2010-х годов объём маятниковой миграции снизился на 17% — с 1,7 до 1,4 млн человек, во многом из-за распространения дистанционной занятости. И всё равно это крупнейший показатель в стране. Никакой другой российский город рядом не стоит.

Второй элемент — транспортная связанность. Московский узел — крупнейший в стране центр железнодорожных, автомобильных и авиационных потоков. Высокая плотность транспортной сети обеспечивает мобильность рабочей силы, капитала и товаров — это классический источник агломерационных преимуществ. Обратная сторона: радиальная топология инфраструктуры усиливает зависимость окружающих территорий от столичного ядра и воспроизводит асимметрию снова и снова [Министерство транспорта РФ, 2021].

Третье направление — концентрация инновационной среды. Крупнейшие университеты, исследовательские центры, технологические парки, венчурная инфраструктура — всё это сосредоточено в Москве и прилегающих территориях. Высокая плотность горизонтальных связей между компаниями и исследовательскими организациями ускоряет распространение знаний и технологических решений [Кузнецова, 2022; Аганбегян, 2022]. К 2024 году совокупный объём качественных коммерческих площадей в городе составил 59,4 млн кв. м [Инвестиционный портал Москвы, [www](http://www.moscow-invest.ru)] — сам по себе показательный индикатор предпринимательской плотности.

Четвёртый компонент — масштаб внутреннего рынка потребления. По данным Росстата, расходы на потребление в расчёте на одного члена домохозяйства в Москве в 2023 году составили 49,8 тыс. руб. в месяц — второй результат среди всех субъектов Федерации [Инвестиционный портал Москвы, [www](http://www.moscow-invest.ru)]. Это делает Московскую агломерацию главным центром коммерческой активности страны и ключевым магнитом для частных инвестиций.

Совокупность описанных рыночных преимуществ образует то, что в настоящей работе называется **агломерационной рентой**. Она возникает вследствие плотности рынков, сокращения транзакционных издержек, экономии на масштабе и высокой концентрации человеческого капитала. В отличие от столичной институциональной ренты, агломерационная рента имеет преимущественно рыночную природу и в той или иной мере характерна для крупнейших мегаполисов мира [Krugman, 1991; Fujita, 2005]. Однако именно в Москве она наслаивается на институциональную — и это наложение меняет всё.

Синергия столичной и агломерационной функций москвы и её влияние на пространственное развитие россии

Специфика Москвы — не в том, что у неё есть столичные или агломерационные преимущества. Они есть у многих. Специфика — в их одновременном присутствии и взаимном усилении. Столичная функция обеспечивает институциональные преимущества через концентрацию органов власти, центров принятия решений и федеральных финансовых потоков.

Агломерационная — рыночную эффективность через масштаб рынка, плотность деловых связей и высокую мобильность ресурсов. Вместе эти два механизма дают эффект, явно превышающий их простую сумму.

Первое проявление синергии — ускоренная концентрация человеческого капитала. Москва привлекает людей не только высокими зарплатами и широким рынком труда. Она предлагает карьерные траектории, недоступные больше нигде: в государственных структурах, корпорациях, финансовом секторе, международных организациях. В итоге столица одновременно концентрирует управленческие, предпринимательские, научные и креативные компетенции — и это лидерство самовоспроизводится [Минакир, 2022; Кузнецова, 2022].

Второе проявление — концентрация корпоративного управления. Компании размещают штаб-квартиры в Москве не только из-за размеров рынка. Близость к государственным регуляторам, финансовым институтам и ключевым центрам принятия решений — самостоятельный и весомый аргумент. Результат — особая модель штаб-квартирной экономики: в Москве зарегистрирована значительная часть крупнейших российских компаний, которые зарабатывают деньги в иных регионах страны, а налоги платят здесь [Аганбегян, 2022; Москва в цифрах — 2023, 2023].

Третье проявление — инвестиционное притяжение. По данным Росстата, в 2023 году на Москву пришлось 20% всех инвестиций в основной капитал в Российской Федерации. За последние 13 лет объём таких инвестиций в сопоставимых ценах вырос более чем в 4,1 раза — это существенно выше среднероссийской динамики [Инвестиционный портал Москвы, www.invest.moscow; Банк России, www.cbr.ru]. Инвесторы воспринимают Москву как территорию с минимальными институциональными рисками: крупнейший потребительский рынок, высокая ликвидность активов, прямой доступ к федеральным институтам. Всё в одном месте.

Четвёртое направление — инфраструктурная сверхконцентрация. Как столица Москва получает приоритет в развитии транспортных, цифровых и социальных систем общенационального масштаба. Как агломерация — объективно нуждается в крупных инфраструктурных вложениях из-за размеров населения и экономики. Оба мотива действуют одновременно, что ведёт к ускоренному накоплению инфраструктурных преимуществ относительно иных территорий страны [Министерство транспорта РФ, 2021].

Однако синергетическая модель имеет и обратную сторону — значимые пространственные последствия для всей Федерации. Совмещение двух групп преимуществ концентрирует ресурсы быстрее, чем при наличии лишь одного фактора: разрыв между Москвой и большинством субъектов Федерации по доходам, инвестициям и инновационному потенциалу сохраняется или нарастает [Гранберг, 2000; Михеева, 2024]. Столица выступает главным направлением внутренней миграции — особенно молодёжи и квалифицированных специалистов. Предприятия из других регионов нередко переносят управленческие и финансовые функции в Москву, лишая собственные территории мультипликативных эффектов. Добавим к этому рост стоимости жилья, транспортную перегрузку и экологическое давление — и картина становится противоречивой.

Риски сверхконцентрации и направления государственной политики

Преимущества, которые Москва извлекает из совмещения двух функций, вполне реальны — и для самого города, и для национальной экономики. Но реальны и риски. Чрезмерная концентрация ресурсов и управленческих функций в одном центре создаёт комплекс системных

проблем, которые не решаются сами по себе.

Применительно к самой Москве выделяются три группы рисков. Во-первых, рост инфраструктурной нагрузки: увеличение численности населения и маятниковой миграции создаёт давление на транспорт, коммунальное хозяйство, рынок жилья. Во-вторых, удорожание факторов производства — земли, коммерческой недвижимости, аренды, труда — постепенно подтачивает сами агломерационные преимущества, ради которых бизнес и выбирал столицу. В-третьих, экологическая и социальная нагрузка: сверхплотность населения и транспортных потоков даёт о себе знать [Министерство транспорта РФ, 2021].

Для регионального развития страны риски иные, но не менее серьёзные. Закрепление пространственной моноцентричности снижает устойчивость всей национальной экономики [Гранберг, 2000; Минакир, 2022]: если «мотор» один, его остановка обходится дорого всем. Отток молодёжи и квалифицированных специалистов в столицу демографически и интеллектуально истощает многие субъекты Федерации. Зависимость межрегиональных хозяйственных связей от состояния Москвы превращает периферию в заложника столичной конъюнктуры.

Минимизация указанных рисков требует не точечных мер, а перехода к активной модели пространственного регулирования. На уровне государственной стратегии принципиально важно разграничить инструментарий: для столичной сверхцентрализации подходят административно-институциональные меры, для агломерационных перегрузок — инфраструктурные и пространственные решения. Смешивать их бессмысленно.

Среди конкретных приоритетов государственной политики выделяются следующие. Первый — развитие сети альтернативных центров роста: Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Казани, Новосибирска, Самары и других крупных агломераций, которые могут стать узлами макрорегионального развития. Второй — перераспределение части федеральных институтов, исследовательских центров и отраслевых агентств в другие субъекты Федерации; международный опыт показывает, что подобные решения работают. Третий — адресная поддержка соседних регионов Московского макрорегиона: совместные инфраструктурные программы, создание промышленных площадок, стимулирование высокопроизводительной занятости. Наконец, четвёртый — развитие цифровой пространственной связанности, которая позволяет частично ослабить необходимость физической концентрации ресурсов в столице [OECD, 2022].

Ограничивать Москву искусственно — не лучшая идея. Оптимальная цель — многополярная пространственная модель, при которой преимущества столицы сохраняются, но рядом вырастают другие сильные центры экономического роста.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Москва — уникальное многофункциональное образование, развитие которого определяется одновременным выполнением функций государственной столицы и крупнейшей агломерации Российской Федерации. Эта двойственность не случайность и не временное совпадение — она структурно встроена в пространственную организацию российской экономики.

Установлено, что столичная функция города проявляется в концентрации органов государственной власти, федеральных финансовых потоков, центров стратегического управления, дипломатических структур и штаб-квартир крупнейших организаций. Всё это

образует самостоятельный источник социально-экономических преимуществ — столичную институциональную ренту. Агломерационная функция выглядит иначе: ВРП в 2023 году составил 32,3 трлн руб. (около 21% общероссийского), инвестиции в основной капитал — 8,1 трлн руб. (20,5% РФ), ежедневный трудовой маятник охватывает около 1,4 млн человек. Это агломерационная рента — рыночная по природе, типичная для крупнейших мировых мегаполисов.

Главный теоретический вывод работы таков: доминирующее положение Москвы в национальной экономике объясняется не каждым из этих факторов в отдельности, а их синергией. Она усиливает концентрацию человеческого капитала, инвестиций и корпоративного управления — и тем самым воспроизводит лидерство города. Но она же углубляет межрегиональную дифференциацию. Это противоречие не исчезнет без осознанной политической воли.

Практическая ценность полученных результатов — в типологии экономических эффектов и в предложенных критериях разграничения инструментов государственной политики. В стратегической перспективе Москва должна рассматриваться не только как крупнейший центр концентрации ресурсов, но и как один из элементов сбалансированной национальной системы расселения. Сильная столица и сильные макрорегиональные центры — не противоречие, а условие устойчивого пространственного развития страны.

Библиография

1. Аганбегян А.Г. Пространственная структура экономики России: тенденции и вызовы // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 5–27.
2. Антонов Е.В. Агломерационная структура городских систем России // Известия РАН. Серия географическая. 2022. № 4. С. 15–29.
3. Банк России. Главное управление Банка России по Центральному федеральному округу. Экономический профиль Москвы. URL: https://www.cbr.ru/cfo/ekonom_profil_mosk/
4. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики : учебник для вузов. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 496 с.
5. Дружинин А.Г. Агломерационные процессы и региональное развитие России // Региональные исследования. 2023. № 2. С. 12–28.
6. Инвестиционный портал Москвы. Москва в цифрах. URL: <https://investmoscow.ru/about-moscow/moscow-in-numbers>
7. Коммерсантъ. Объём маятниковой трудовой миграции между Москвой и Московской областью за последние годы снизился. 2024. 11 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6890908>
8. Кузнецова О.В. Трансформация пространственной структуры российской экономики // Regional Research of Russia. 2022. Vol. 12, No. 3. P. 351–365.
9. Минакир П.А., Анимца Е.Г. Макрорегионы в социально-экономическом пространстве России // Экономика региона. 2022. Т. 18, № 3. С. 724–741.
10. Министерство транспорта Российской Федерации. Транспортная стратегия Российской Федерации до 2035 года. М., 2021.
11. Михеева Н.Н. Региональная дифференциация в условиях структурных изменений экономики России // Регион: экономика и социология. 2024. № 1. С. 5–32.
12. Москва в цифрах — 2023 / Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области (Мосстат). М. : Мосстат, 2023.
13. Boudeville J.-R. Problems of Regional Economic Planning. Edinburgh : Edinburgh University Press, 1966. 192 p.
14. Fujita M., Mori T. Frontiers of the New Economic Geography // Papers in Regional Science. 2005. Vol. 84, No. 3. P. 377–405.
15. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99, No. 3. P. 483–499.
16. OECD. Metropolitan Governance: Strategies for Balanced Regional Development. Paris : OECD Publishing, 2022. 148 p.
17. Perroux F. Economic Space: Theory and Applications // Quarterly Journal of Economics. 1950. Vol. 64, No. 1. P. 89–104.

Moscow as a Multifunctional Entity Performing the Functions of a Capital and an Agglomeration

Artur A. Balikhin

Postgraduate Student,
Moscow Polytechnic University,
107023, 38, Bol'shaya Semenovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: balikhin@mail.ru

Abstract

The article examines the specificity of Moscow as a multifunctional territorial-economic entity simultaneously performing the functions of the state capital and the largest agglomeration of the Russian Federation. It is established that in 2023, the gross regional product (GRP) of Moscow amounted to 32.3 trillion rubles — about 21% of the country's total GRP, and the volume of investment in fixed assets reached 8.1 trillion rubles (20.5% of the national indicator). It is substantiated that the combination of administrative-political, financial-managerial, innovation-economic, and agglomeration functions forms a unique model of spatial development. Two independent sources of the city's competitive advantages are identified and delineated — capital institutional rent and agglomeration rent. It is established that their synergy strengthens Moscow's leadership, however, simultaneously deepens interregional differentiation. Proposals for state policy aimed at reducing spatial asymmetry are formulated.

For citation

Balikhin A.A. (2026) Moskva kak mnogofunktsional'noe obrazovanie, vypolnyayushchee funktsii stolitsy i aglomeratsii [Moscow as a Multifunctional Entity Performing the Functions of a Capital and an Agglomeration]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 16 (4A), pp. 486-496. DOI: 10.34670/AR.2026.30.54.047

Keywords

Moscow, capital, agglomeration, spatial development, capital effect, agglomeration effect, regional economy, interregional differentiation, monocentrism, spatial concentration, regional policy.

References

1. Aganbegyan, A.G. (2022). Prostranstvennaya struktura ekonomiki Rossii: tendentsii i vyzovy [Spatial Structure of the Russian Economy: Trends and Challenges]. *Voprosy ekonomiki*, (8), 5-27.
2. Antonov, E.V. (2022). Aglomeratsionnaya struktura gorodskikh sistem Rossii [Agglomeration Structure of Russian Urban Systems]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, (4), 15-29.
3. Bank of Russia. (n.d.). *Glavnoye upravleniye Banka Rossii po Tsentralnomu federalnomu okrugu. Ekonomicheskii profil Moskvy* [Main Directorate of the Bank of Russia for the Central Federal District. Economic Profile of Moscow]. Retrieved from https://www.cbr.ru/cfo/ekonom_profil_mosk/
4. Boudeville, J.-R. (1966). *Problems of Regional Economic Planning*. Edinburgh University Press.
5. Druzhinin, A.G. (2023). Aglomeratsionnyye protsessy i regionalnoye razvitiye Rossii [Agglomeration Processes and Regional Development of Russia]. *Regionalnyye issledovaniya*, (2), 12-28.
6. Fujita, M., & Mori, T. (2005). Frontiers of the New Economic Geography. *Papers in Regional Science*, 84(3), 377-405.
7. Granberg, A.G. (2000). *Osnovy regionalnoy ekonomiki* [Fundamentals of Regional Economics]. HSE University.

-
8. Investmoscow. (n.d.). *Moskva v tsifrakh* [Moscow in Numbers]. Retrieved from <https://investmoscow.ru/about-moscow/moscow-in-numbers>
 9. Kommersant. (2024, August 11). *Obyom mayatnikovoy trudovoy migratsii mezhdu Moskvoy i Moskovskoy oblastyu za posledniye godysnizilsya* [The Volume of Commuting Labor Migration Between Moscow and the Moscow Region Has Decreased in Recent Years]. Retrieved from <https://www.kommersant.ru/doc/6890908>
 10. Krugman, P. (1991). Increasing Returns and Economic Geography. *Journal of Political Economy*, 99(3), 483-499.
 11. Kuznetsova, O.V. (2022). Transformatsiya prostranstvennoy struktury rossiyskoy ekonomiki [Transformation of the Spatial Structure of the Russian Economy]. *Regional Research of Russia*, 12(3), 351-365.
 12. Mikheeva, N.N. (2024). Regionalnaya differentsiatsiya v usloviyakh strukturnykh izmeneniy ekonomiki Rossii [Regional Differentiation in the Context of Structural Changes in the Russian Economy]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, (1), 5-32.
 13. Minakir, P.A., & Animitsa, E.G. (2022). Makroregiony v sotsialno-ekonomicheskom prostranstve Rossii [Macroregions in the Socio-Economic Space of Russia]. *Ekonomika regiona*, 18(3), 724-741.
 14. Ministry of Transport of the Russian Federation. (2021). *Transportnaya strategiya Rossiyskoy Federatsii do 2035 goda* [Transport Strategy of the Russian Federation until 2035]. Moscow.
 15. Mosstat. (2023). *Moskva v tsifrakh — 2023* [Moscow in Figures — 2023]. Moscow.
 16. OECD. (2022). *Metropolitan Governance: Strategies for Balanced Regional Development*. OECD Publishing.
 17. Perroux, F. (1950). Economic Space: Theory and Applications. *Quarterly Journal of Economics*, 64(1), 89-104.